

Было совершенно ясно, что это их последняя ссора. Но хотя он ждал чего-то подобного уже несколько дней, а то и недель, сдержать гнев и возмущение все-таки не удалось. Она была не права, но отказывалась признать свою неправоту. Всякий его довод, всякая попытка примириться и воззвать к благоразумию выворачивались наизнанку и обращались против него. Как она смела попрекать его за тот невинный вечер в “Полумесяце”, что он провел с Дженнифер? Как она смела назвать его подарок “жалким”, да еще уверять, будто у него “бегали глаза”, когда он его вручал? И как она смела заговорить о его матери — не о ком-нибудь, а о матери, — как смела она обвинить его, что он слишком часто навещает мать? Словно сомневалась в его зрелости, в его силе, даже в его мужественности...

Он невидяще смотрел перед собой, не замечая ни окружающих предметов, ни пешеходов. Сука, подумал он, вспомнив ее слова. И сквозь стиснутые зубы выдохнул:

— СУКА!

И почувствовал себя немного лучше.

Эшдаун, огромный, серый, внушительный, высился на мысу в каких-то двадцати ярдах от отвесной скалы; он стоял здесь уже больше ста лет. Целыми днями вокруг его спилюй и башенок с хриплым причитанием кружили чайки. Целыми днями и ночами о каменную преграду неистово бились волны, порождая в студеных комнатах и гулких коридорах старого дома непрерывный рев, словно где-то рядом неслись тяжелые грузовики. Даже самые необитаемые уголки Эшдауна — а необитаемы ныне большинство из них — никогда не ведали тишины. Наиболее приспособленные для жизни помещения сучились на втором и третьем этажах, окна выходили на море, и днем комнаты заливал холодный свет. В Г-образной кухне на первом этаже было три маленьких окошка и низкий потолок, отчего там всегда царил полумрак. Суровая красота Эшдауна, противостоявшая стихии, попросту маскировала то, что дом, в сущности, был непригоден для жизни. Соседские старики могли припомнить — не слишком веря своим воспоминаниям, — что некогда особняк принадлежал семье из восьми-девяти человек. Но пару десятилетий назад дом перешел к новому университету, и сейчас в Эшдауне обитало около двух дюжин студентов — население столь же переменчивое, как и океан, что начинался у подножия скалы и тянулся до самого горизонта, в болезненном беспокойстве вздымая тошнотворно зеленые волны.

Спрашивали эти четверо разрешения присесть за ее столик или нет? Сара не помнила. Вроде бы они спори-

ли, но Сара не слышала, о чем идет речь, хотя голоса и пробивались до ее сознания — то нарастая, то затихая сердитым контрапунктом. В эти минуты реальным было для нее лишь то, что она видела и слышала у себя в голове. Одно-единственное ядовитое слово. И глаза, полыхнувшие необъяснимой ненавистью. И ощущение, что слово не столько произнесли, сколько им в нее харкнули. Та встреча... сколько же она длилась — две секунды? меньше? — но в памяти Сара прокручивала ее уже больше получаса. Эти глаза, это слово... от них теперь очень долго не избавиться. Даже сейчас, когда люди вокруг говорили все громче и оживленнее, Сара чувствовала, как ее захлестывает очередная волна паники. Она прикрывала глаза от внезапной полуобморочной слабости.

Напал бы он на нее, думала она, не будь Хай-стрит такой оживленной? Затащил бы в подворотню? Разорвал бы на ней одежду?

Она подняла кружку с кофе, медленно подняла к лицу, заглянула внутрь. Маслянистая поверхность мелко подрагивала. Она крепче стиснула кружку. Жидкость перестала колыхаться. Руки у нее больше не дрожали. Все позади.

Еще одна возможность — что, если ей все это приснилось?

— Пинтер!

Это слово первым проникло в ее сознание. Сара сосредоточилась и подняла глаза.

Имя произнесли с усталым сомнением — говорила женщина, в одной руке она держала стакан с яблочным соком, в другой — зажженную сигарету. У нее были короткие угольного цвета волосы, чуть выступающая челюсть и живые темные глаза. Сара смутно припомнила,

что видела ее и прежде — здесь же, в кафе “Валладон”, — но имени не знала. Чуть позже стало ясно, что женщину зовут Вероника.

— Как это типично, — добавила женщина и затушевалась сигаретой, прикрыв глаза. Она улыбалась: похоже, спор забавлял ее — в отличие от худого бледного студента, с серьезным видом сидевшего напротив. — Люди, которые вообще ни черта не смыслят в театре, — продолжала Вероника, — всегда талдычат о величии Пинтера.

— Ладно, — сказал студент. — Согласен, он переоценен. С этим я согласен. Но это лишь подтверждает мою точку зрения.

— Подтверждает твою точку зрения?

— Послевоенная театральная традиция Британии, — сказал студент, — настолько... этиологизована, что...

— Чего? — произнес голос с австралийским акцентом. — Это еще что такое?

— Этиологизована, — повторил студент. — Столь этиологизована, что в британском театре имеется лишь одна фигура, которая...

— Этиологизована? — упорствовал австралиец.

— Не обращай внимания, — сказала Вероника, еще больше расплываясь в улыбке. — Он пытается произвести впечатление.

— Но что значит это слово?

— Посмотри в словаре, — отрезал студент. — Моя точка зрения заключается в том, что в послевоенном британском театре есть лишь одна фигура, которая может претендовать на какую-нибудь значимость, но даже ее переоценили. Чрезмерно переоценили. *Ergo*, театру конец.

— Эрго? — переспросил австралиец.

— С театром покончено. Он больше не может ничего предложить. Театру нет места в современной культуре — ни в этой стране, ни в любой другой.

— И ты хочешь сказать, что я даром трачу время? — спросила Вероника. — Что я совершенно не улавливаю *Zeitgeist*?*

— Именно. Тебе нужно срочно сменить специализацию и заняться изучением кинематографа.

— Как ты.

— Как я.

— Что ж, интересно, — сказала Вероника. — И что же ты хочешь сказать? С одной стороны, ты полагаешь, что раз я интересуюсь театром, значит, я его изучаю. Ошибаешься: я учусь на экономическом. И потом, это твое убеждение, будто ты обладаешь некоей абсолютной истиной... в общем, я нахожу, что это весьма мужское качество. Мне больше нечего добавить.

— Так я мужчина, — заметил студент.

— А Пинтер — твой любимый драматург, и это весьма показательно.

— Чем же?

— Он пишет пьесы для мальчиков. Для умных мальчиков.

— Но искусство универсально. Все истинные писатели — гермафродиты.

— Ха! — презрительно выдохнула Вероника и затушила сигарету. — Ладно, поговорим о гендерных вопросах?

— Я думал, мы говорим о культуре.

— Одно неотделимо от другого. Гендерные различия всюду.

* Дух времени (нем.).

Теперь рассмеялся студент:

— Это одно из самых бессмысленных утверждений, которое я слышал. Ты хочешь говорить о гендерных различиях только потому, что боишься говорить о высоком.

— Пинтер интересен только мужчинам, — сказала Вероника. — А почему он интересен мужчинам? Потому что он женоненавистник. Его пьесы взывают к женоненавистничеству, запрятанному в глубине души всякого мужчины.

— Я не женоненавистник.

— Ага. Все мужчины ненавидят женщин.

— Да ты сама в это не веришь.

— Еще как верю.

— И считаешь всех мужчин потенциальными насильниками?

— Да.

— Ну вот, еще одна бессмыслица.

— Смысл весьма прозрачный. У всех мужчин есть задатки насильника.

— У всех мужчин есть оружие насилия. Это не одно и то же.

— Речь не о том, что все мужчины обладают необходимым... инструментарием. Я говорю, что нет такого мужчины, который не лелеял бы в самом мрачном уголке своей души глубокую обиду — и зависть — к нашей силе, и обида эта иногда перерастает в ненависть, а потому способна обернуться насилием.

Последовала короткая пауза. Студент что-то промямлил и тут же затих. Потом снова заговорил и снова умолк. В конце концов не придумал ничего лучшего, чем:

— Да, но у тебя нет доказательств.

— Вокруг полно доказательств.

— Да, но у тебя нет объективных доказательств.

— Объективность, — сказала Вероника, закуривая снова, — это мужская субъективность.

Долгую и отчасти даже благоговейную тишину, наступившую после этого вердикта, нарушила Сара:

— Мне кажется, она права.

Сидевшие за столом разом повернулись к ней.

— Не по поводу объективности... в общем... я никогда об этом не задумывалась... но я хочу сказать, что мужчины по сути своей — действительно враждебные существа, и никогда не знаешь, когда эта враждебность... выплеснется наружу.

Вероника встретила с ней взглядом.

— Спасибо. — Она повернулась к студенту: — Видишь? Поддержка по всем фронтам.

Тот пожал плечами:

— Обычная женская солидарность.

— Нет, понимаете, со мной как раз так и случилось, — запинаясь и торопясь, пробормотала Сара. — Как раз такой случай, о котором вы говорите... — Она опустила голову и увидела, как ее глаза угрюмо отражаются в маслянистой поверхности кофе. — Прошу прощения, я не знаю, как вас зовут... Даже не знаю, зачем вмешалась в вашу беседу. Я лучше пойду.

Она встала и поняла, что зажата в самом углу — край стола врезался ей в бедра, она неловко, бочком, протиснулась мимо австралийца и серьезного студента. Лицо ее горело. Сара не сомневалась, что они смотрят на нее как на чокнутую. Пока она шла к кассе, никто не произнес ни слова, но, отсчитывая мелочь (Слаттери, хозяин заведения, с отстраненностью запойного книгочея сидел в своем углу), Сара почувствовала, как чья-то рука коснулась ее плеча; она обернулась и увидела Веронику.

Та улыбалась смущенно и чуть просительно — резкий контраст с тем воинственным оскалом, которым она одаривала своих оппонентов за столиком.

— Послушай, — сказала Вероника, — я не знаю, кто ты и что с тобой стряслось, но... мы можем поговорить об этом, когда захочешь.

— Спасибо, — ответила Сара.

— Какой курс?

— Четвертый.

— А, так тебе год только остался?

Сара кивнула.

— Живешь в студгородке?

— Нет. В Эшдауне.

— Вот как. Может быть, тогда так или иначе встретимся.

— Наверное...

Сара заторопилась к выходу, пока эта дружелюбная и странная женщина не успела сказать что-нибудь еще. После мрачного и прокуренного бара солнечный свет слепил глаза, а воздух был свеж и солоноват. По улицам текли ручейки покупателей. В обычный день приятно пройтись домой пешком, вдоль скал — прогулка долгая и почти все время в гору, но стоит сладкой боли в ногах и рези в легких, хорошенько проветренных чистым воздухом холмов. Но сегодня день был не из обычных; Сара и думать не хотела ни о пустынной тропе, ни об одиноких мужчинах, что могут шагать издалека навстречу или сидеть на скамейках и нагло ее разглядывать.

Истратив сумму, на которую могла бы ужинать неделю, Сара доехала до дому на такси и всю вторую половину дня провела в постели, но оцепенение так и не рассосалось.

ПСИХОАНАЛИТИК: Что в этой игре вас больше всего тревожило?

ПАЦИЕНТ: Не знаю, насколько уместно слово “игра”.

ПСИХОАНАЛИТИК: Вы сами выбрали его минуту назад.

ПАЦИЕНТ: Да. Просто я не знаю, насколько оно уместно. Наверное, речь шла о...

ПСИХОАНАЛИТИК: Это пока не важно. Он вам причинял физическую боль?

ПАЦИЕНТ: Нет. Нет, больно он мне не делал.

ПСИХОАНАЛИТИК: Но вы считали, что он способен причинить физическую боль?

ПАЦИЕНТ: Наверное... Где-то в глубине души.

ПСИХОАНАЛИТИК: А он знал об этом? Он знал, что вы считаете, будто когда-нибудь он причинит вам боль? Не в этом ли заключался весь смысл игры?

ПАЦИЕНТ: Да, возможно, так оно и было.

ПСИХОАНАЛИТИК: Для него? Или для вас обоих?

Когда Грегори вернулся с вечеринки, Сара опять лежала в постели. В сумерках она ненадолго встала, надела халат и сползла по лестнице в кухню, но даже там ее продолжало колотить от внезапных приступов страха. На кухне было пусто, из гостиной в конце коридора доносились отзвуки какого-то американского сериала — то ли “Далласа”, то ли “Нотс-Лэндинг”*. Думая, что одна, Сара открыла банку с грибным супом и вылила его в кастрюлю. Потом зажгла горелку на плите, прятавшейся в нише за углом Г-образного помещения. Она медленно

* Телесериал (1979—1993) компании Си-би-эс, созданный на основе одной из сюжетных линий “Далласа”. — Здесь и далее примеч. перев.

помешивала суп тяжелой деревянной ложкой — это занятие почему-то успокаивало. Три раза по часовой стрелке, три раза против часовой стрелки... Сара смотрела, как в вязкой жиже появляются и исчезают завитки. Целиком уйдя в это занятие, она вздрогнула, услышав мужской голос:

— А где здесь держат кофе?

С коротким вскриком Сара отшатнулась.

Человек, выглядывавший из-за угла, попятился.

— Простите. Я думал, вы слышали мои шаги.

— Нет, не слышала.

— Я не хотел вас пугать.

У него было доброе лицо — первое, на что Сара обратила внимание. А второе: похоже, он плакал — и плакал совсем недавно. Налив себе кофе, человек устроился за столом, она села напротив — с тарелкой супа. Пододвигая стул, Сара мельком глянула на него: она готова была поклясться, что по его щеке скатилась слеза.

— С вами все в порядке? — спросила она. Первокурсники в Эшдауне были редкостью, но, может, он из их числа и тоскует по дому.

Она ошиблась. Он учился на третьем курсе — изучал современные языки — и лишь вчера переехал в Эшдаун. А расстроился потому, что несколько часов назад мать по телефону сообщила, что нынче утром погибла их домашняя любимица, кошка Мюриэл, — на дорожке к дому ее переехал фургон молочника. Незнакомец явно стыдился показывать свои чувства, но именно этим и понравился Саре. Однако, чтобы не смущать его еще сильнее, она поспешила сменить тему, сказав, что и у нее сегодня выдался нелегкий день.

— А с вами что случилось? — спросил он.

Лишь позже Саре пришло в голову, сколь необычна подобная откровенность с незнакомцем, имени которого она даже не удосужилась выяснить. Тем не менее Сара подробно рассказала о странной встрече на улице с каким-то совершенно неизвестным ей человеком, который свирепо посмотрел на нее и без всякой на то причины обозвал сукой. Новый жилец пил кофе и внимательно слушал. Сара говорила и думала: какой идеальный баланс между участием (казалось, он понимает, как сильно задел ее случай на улице) и добродушной беззаботностью (он посоветовал посмеяться над яростью того жалкого идиота). Она пересказала и спор, подслушанный в кафе “Валладон”: как разговор свернул на женоненавистничество и как она вдруг ощутила потребность вмешаться в него.

— Животрепещущая тема, — согласился новый знакомый. — Здесь полно противников феминизма.

И добавил, что какие-то вандалы на днях проникли на недавно образованную кафедру феминизма — взломали дверь и аэрозольными красками испоганили стены огромными надписями “Смерть сестрам”.

Саре нравилось беседовать с этим человеком, но усталость брала свое. С ней уже случалось такое: усталость — безмерная, изнуряющая — наваливалась столь внезапно, что пару раз Сара засыпала прямо посреди разговора. А сейчас это было особенно ни к чему: Саре хотелось произвести впечатление.

— Пожалуй, пойду прилягу, — сказала она, споласкивая тарелку под холодной водой. — Было приятно познакомиться. Я рада, что вы поселились здесь. Думаю, мы подружимся.

— Надеюсь.

— Кстати, меня зовут Сара.